

Ю. Александрович

После Чехова

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ю11

Ю11 **Ю. Александрович**
После Чехова / Ю. Александрович – М.: Книга по Требованию, 2021. –
264 с.

ISBN 978-5-517-98707-5

ISBN 978-5-517-98707-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

„Критиковать — значитъ *искать и открывать въ частномъ явленіи общіе законы разума, по которымъ и черезъ которые оно могло быть и опредѣлять степень живого, органическаго соотношенія частнаго явленія съ его идеаломъ*“.

„Разумъ тогда только признаетъ извѣстную истину, ученіе или явленіе дѣйствительными, когда находитъ въ нихъ себя какъ содержаніе въ формѣ. Для этого ему только одинъ путь и одно средство — *разъединеніе идеи отъ формы, разложеніе элементовъ*, образующихъ собою данную истину или данное явленіе. И это дѣйствіе разума отнюдь не отвратительный анатомическій процессъ, разрушающій прекрасное явленіе для того, чтобы опредѣлить его значеніе. *Разумъ разрушаетъ явленіе для того, чтобы оживить его для себя въ новой красотѣ и новой жизни*, если онъ найдетъ себя въ немъ. Отъ процесса разлагающаго разума умираютъ только такія явленія, въ которыхъ разумъ не находитъ ничего своего и объявляетъ ихъ только эмпирически существующими, но недѣйствительными. Этотъ процессъ и называется критикой“.

В. Бѣлинскій.

Оглавление.

	Стр.
I глава. Литературное наследство. <i>Достоевскій—Гаршинъ—Чеховъ.</i>	1
II глава. На нивѣ скорби и печали (1897—1903 г.). <i>В. Вересаевъ—Н. Тимковскій—В. Успенскій—Ив. Бунинъ—М. Арцыбашевъ—Е. Ляткова—Н. Минскій</i>	19
III глава. Радость жизни (1897—1903 г.). <i>М. Горькій—Е. Чириковъ—М. Вербицкая—Декаденты—М. Гурковскій</i>	61
IV глава. Апологъ трагедіи (1903—1904 г.). <i>В. Вересаевъ—Н. Тимковскій—А. Купринъ—Л. Андреевъ</i> . . .	89
V глава. Изъ царства трагедіи въ царство анархіи (1905 г.). <i>А. Купринъ—Л. Андреевъ—Л. Шестовъ—Идеисты.</i>	123
VI глава. Реакція въ литературѣ и жизни. Отъ трагедіи къ обыденности. Отказъ отъ наследства. Проблема пола. „Загадка похоти“. Апология праздника жизни. Культъ тѣла. Эстетизмъ. Литература „третьяго сословія“ (1905—1908 г.). „Грядущій хамъ“ <i>Андр. Благъ, Бальмонтъ, Мережковскій, Брюсовъ, М. Кузьминъ, Ч. Соловѣвъ.</i>	

*Зиновьева-Аннибиль, З. Гиппиусъ, Ремезовъ, Стр-
тневъ-Цескій, Ал. Кимскій, Л. Андреевъ,
А. Блокъ, С. Ауслендеръ, Арцибашевъ. . . . .* 151

VII глава. Грядущее пѣносняительство. Альманахи и пѣносняительство. Отъ Альманаха къ журналу! 197

VIII глава. Критика нашего времени. Критикъ-декадентъ—*Петръ Шмелкскій*. Критикъ-дилетантъ—*Борисъ Чуковский*, *Оскаръ Норвежскій*. Критикъ-нищешаенецъ—*Арсеній (И. И. Абрамовичъ)*. Эстетическая критика—*Евсейъ Анчиковъ, А. Горюхинычъ, Ивановъ-Ризумникъ. . . . .* 209

IX глава. Разложеніе декадентства. Намѣчающіяся перспективы. Наслѣдники. *Викторъ Мушкетъ, — А. Куринъ, Л. Андреевъ, — В. Корсунскій. . . . .* 221

X глава. Заключеніе. Трагическое, какъ литературный законъ. Въ чемъ мы отказались отъ наслѣдства? Возвратъ къ прошлому. Тоска по Чеховщинѣ 243

Литературное наследство.

ГЛАВА I.

Литературное наследство.

Достоевскій Гаршинъ—Чеховъ.

Последній десятилѣтний періодъ подъема и возрожденія нашей литературы, начавшійся 1897 г. и завершившійся къ настоящему времени, можно считать за конченнымъ не только въ хронологическомъ смыслѣ, но и въ методологическомъ. И эта законченность дастъ намъ возможность имѣть о немъ сужденіе, какъ о завершившемся и достаточно выяснившемъ себя циклѣ литературныхъ явленій. Эта завершенность дастъ и въ которую возможность оглянуться на то, что далъ намъ этотъ только что отлившій валъ русской литературы. И есть симптомы, которые говорятъ, что это сдѣлать пора: уже снова какъ въ серединѣ 90-хъ гг. о нашихъ дняхъ заговорили какъ о дняхъ паденія литературы, снова раздаются жалобы на наше время, снова мы остались безъ литературы. „Разручнулась“ наша литература, по словамъ современнаго критика Н. Пильскаго, апологета литературы упадочниковъ. „Разручнулась“, то-есть, рассыпалась, измельчала, затерялась въ смущенныхъ пескахъ однообразной пустыни и не на чемъ остановиться взору... Это, пожалуй, вѣрно. Минувало время, когда, какъ прежде когда-то, наша литература была единымъ мощнымъ потокомъ и имѣла имена, къ которымъ все тяготѣло, имѣла тѣхъ, чье слово жадно ловилось и

принималось какъ откровеніе, какъ молитва... Слова все сѣро, гладко кругомъ. Безлично. „Сѣрое небо, сѣрѣя тучи, сѣрѣя ныряющія въ сѣромъ туманѣ птицы“, какъ писалъ Салтыковъ.

„Современные авторы, если вѣрять П. Пильскому, растутъ на перевалѣ двухъ эпохъ, на переломѣ исторіи; они родились на сквознякѣ новыхъ вѣяній и потому у каждаго изъ нихъ флюсъ, но этотъ флюсъ свой собственный... Это не социальная партія, а анархическая группа, не дружина, а орда, не семья, а только сосѣдство, не журналъ, а альманахъ. Не даромъ этихъ альманаховъ появилось такъ много и неспроста и не даромъ такъ ясно гаснетъ журналъ“ („Поютъ ручьи“).

Литература опять на распутии, опять безъ цѣли, безъ единой идеи, безъ смысла. Большинство изъ тѣхъ, кто работалъ послѣднія десять лѣтъ, тихо сходятъ со сцены, какъ мотыльки, рано спалившіе у огня свои крылья. И пожалуй даже не рано. Не рано, ибо все, что могла сказать литература этого наиболѣе интенсивнаго въ ея жизни періода, она сказала. Она подошла вплотную къ стѣнѣ, дальше которой идти было некуда, за которой, какъ мы увидимъ ниже, было вѣчное Ничто. Ударилась всей грудью въ эту стѣну и рассыпалась на тысячи брызгъ. Но, несмотря на краткій срокъ, она сдѣлала много, слишкомъ много... въ дѣлѣ разрушенія. И сдѣлавъ все, чего можно было ждать отъ нея, она истощилась естественно, исчерпала силы, энергію, вдохновеніе. И теперь мы видимъ преимущественно тѣхъ, кто не успѣлъ во-время сойти со сцены. Ибо для новыхъ дѣлъ нужны новые люди; для новыхъ словъ нужна новая жизнь.

Ни новой жизни, ни новыхъ дѣлъ, ни новыхъ словъ нѣтъ и кто знаетъ когда они будутъ? Въ самомъ дѣлѣ, кто возьметъ на себя смѣлость сказать, кѣмъ будетъ занято опустѣлое мѣсто нашихъ великихъ предшественниковъ—кѣмъ изъ насъ? Правда, тотъ же Пильскій,

разбирая современную школу, такъ называемой молодой литературы, заявляетъ: „грядущая судьба того великаго и чудеснаго, что зовется литературой, въ нихъ, отъ нихъ и черезъ нихъ“. (Н. Пильскій. „Поютъ ручьи“).

Въ нихъ—это въ Кузьминскихъ, Зайцевыхъ, Сологубахъ, Брюсовыхъ, Бальмонтахъ, Гиннусахъ и т. д. Не надо быть особенно дальновиднымъ, чтобы сказать, что это только безпомощное хватанье утопающаго за соломнику. Мы слишкомъ давно ихъ знаемъ, все это слишкомъ „знакомыя лица“ и слишкомъ конченныя, чтобы кто-либо могъ ждать отъ нихъ „грядущей судьбы того великаго и чудеснаго, что зовется литературой“. Надо имѣть рѣшимость сознаться, что опустѣлыя мѣста еще пусты... Трибуна еще молчитъ... Перспективы едва брезжуются.

И все, что можемъ мы сдѣлать теперь, при обзорѣ десятилѣтія новой литературы, это—прослѣдить, что дала намъ работа этого десятилѣтія, какой путь и какую цѣль она намѣтила, выяснить и подчеркнуть то общее, что объединило ихъ въ единую и дружную семью. Ибо не выяснивъ ея идеи, единюущей всеѣмъ авторамъ даннаго періода, мы не можемъ говорить о продолжателяхъ и о томъ, кто можетъ ими быть или не быть. Иного пути нѣтъ. Наше дѣло выяснить руководящую идею, Ариаднину нить литературы завершившагося періода, и только тогда мы можемъ сказать въ чьихъ рукахъ эта нить. Литераторы и литературные вожди не сваливаются съ неба Deus ex machina, а обуславливаются всеѣмъ историческимъ ходомъ общественной жизни и потому нельзя упустить изъ виду извѣстной преемственности идей, незримо царящей надъ молодыми поколѣніями.

Обращаясь къ только что пережитому періоду, мы наблюдаемъ, что, несмотря на эту преемственность идей, существуютъ извѣстные коррективы къ прошлому, и потому мы можемъ съ полнымъ правомъ назвать нѣ-

которыхъ представителей этого періода „молодой литературы“. Но ихъ такъ мало...

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что современная намъ литература молодого поколѣнія родилась и выросла подъ знаменемъ двухъ ближайшихъ предшественниковъ—страстотерпцевъ русской литературы—Гаршина и Чехова. Ихъ духомъ, ихъ болью, кровью и плотью проникнуто все, что было написано послѣднія десять лѣтъ. Ихъ вліяніе поистинѣ неограниченно, ихъ власть надъ думами молодого поколѣнія безгранична. Ихъ „настроеніе“, ихъ „манера“ и ихъ думы дали тонъ всему хору „молодой литературы“, пришедшей на смѣну имъ, „старикамъ“!

Благодаря ихъ дѣятельности, шедшей по стопамъ Достоевскаго, скорбь русской литературы, носившая вначалѣ мѣстный, національный характеръ, обусловленный специфическими русскими условіями общественной жизни, прорвала географическія и національныя рамки, широкимъ потокомъ хлынула за ихъ границы и, быстро завоевавъ себѣ мѣсто въ міровой литературѣ, приняла характеръ міровой скорби. Идеалы русской литературы стали формулироваться рѣзко и дерзновенно. А философія ея поражала своей глубиной, широтой и универсальностью.

Широта горизонта, глубина и острота мысли и міровая скорбь за страждущее человѣчество—вотъ вкратцѣ наше наследіе отъ этихъ двухъ властителей нашихъ думъ и нашихъ настроеній, наполнившихъ нашу душу немолчаливой тревогой, безпокойствомъ и страстнымъ исканіемъ.

Гаршинъ первый порвалъ окончательно и безповоротно съ узостью бытоснапія и окунулся въ сферу индивидуальнаго творчества и рѣзкаго субъективизма яркой индивидуальности. Подъ его перомъ грубая и жестокая дѣйствительность не смягчается поэтической дымкой, и онъ, смѣло и дерзко срывая покровы тайны,